DOI: 10.31860/0131-6095-2026-1-63-79

© *Н. В. Калинина*

АНОНИМНЫЙ И. А. ГОНЧАРОВ (ФЕЛЬЕТОНЫ В ГАЗЕТЕ «ГОЛОС»)

Несмотря на слова В. Г. Белинского о том, что фельетон, «к сожалению», в России «пока еще невозможен»,[1] сказанные критиком в 1847 году по поводу редакторской колонки Булгарина в «Северной пчеле» и неудачных заметок В. А. Соллогуба для «Санкт-Петербургских ведомостей», многие литераторы поколения 1840-х прошли через школу фельетона. Именно их усилиями из газетной рубрики, под которой помещались библиографические обзоры, театральная хроника и сводка городских происшествий, рождался новый публицистический жанр, обращенный к проблемам взаимодействия общества и власти, достигший к середине 1860-х годов вершины своего развития.

По мнению С. А. Венгерова, на фоне жестких правительственных ограничений печати, исключавших из круга журналистики 1840–1850-х не только политическую повестку, но и любые проблески общественной активности, фельетон был единственным отделом, «в котором могла проявляться индивидуальность газеты».[2] «Ничтожное» положение прессы давало о себе знать во всем, «начиная с формата»: «„Северная пчела“ выходила небольшой четвертушкой скверной бумаги, разделенной на три столбца. <...> Сложите современную газету вдвое, и вы получите формат еще немногим больший формата газет конца сороковых и начала пятидесятых годов. <...> Во главе номера помещались распоряжения правительства, заимствовавшиеся из „Сенатских ведомостей“, и производства (по службе. — *Н. К.*), заимствовавшиеся из „Русского инвалида“, <...> им ежедневно уделялось от 2 до 3 столбцов, т. е. *почти четвертая часть газеты*. <...> За производством шли: городская хроника и „провинциальные известия“. <...> Вместе они занимали столбец, много полтора <...> на долю городской хроники доставалось перепечатывать из „Полицейских ведомостей“ сведения о пожарах, ушибах, кражах и т. д. Что же касается <...> „провинциальных известий“, то они составлялись из перепечаток из губернских ведомостей. <...> Передовых статей в то время совсем не было. Они появились только в конце пятидесятых годов».[3] Скудное содержание, дефицит фактического материала и канцелярский стиль изложения подготовили экспансию фельетона, который тогда воспринимался как близкий к репортажу, свежий и современный жанр, разворачивающийся в непосредственном контакте с реальностью.

Газетная деятельность И. А. Гончарова связана в основном с относительно недолгим пребыванием на посту главного редактора правительственной газеты «Северная почта» с октября 1862-го по июнь 1863-го (№ 215–144) и с периодическими изданиями А. А. Краевского («Санкт-Петербургские ведомости», «Голос»). Вопрос атрибуции этой части творческого наследия романиста занимал исследователей с начала

---

[1] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10. Статьи и рецензии. 1846–1848. С. 89. Н. А. Некрасов главной причиной неудач русского фельетона считал слепое подражание французским образцам: «Легкость, игривость и остроумие прежних фельетонов Жюль Жанена решительно свели с ума наших доморощенных фельетонистов, и они взапуски друг перед другом стараются быть остроумными, легкими и игривыми» (Современник. 1849. № 9. Отд. V. С. 166); ср. также с замечанием Белинского в письме к В. П. Боткину от 6 февраля 1847 года: «После русского водевиля нет ничего глупее русского фельетона. Так привык я думать, читая фельетоны петербургских газет; но, прочтя в „Московском листке“ описание бала <...>, я изумился, убедившись, что наши петербургские фельетоны — сам ум, само остроумие в сравнении с московскими. Глупее я ничего не читывал» (*Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. 12. Письма. 1841–1848. С. 324).

[2] *Венгеров С. А.* Ежедневная печать дореформенной эпохи // Сборник статей по истории и статистике русской периодической печати. 1703–1903. СПб., 1903. С. 118.

[3] Там же. С. 101–102.

XX столетия и остается открытым, несмотря на достаточно интенсивный поиск газетных текстов писателя, предпринятый учеными нескольких поколений. Первый и наиболее весомый вклад по выявлению статей, фельетонов и заметок Гончарова, помещенных в указанных газетах, был сделан А. А. Мазоном в 1912 году. Главным источником для обоснования выводов исследователя послужила переписка с Краевским, ныне хранящаяся в Отделе рукописей РНБ в Санкт-Петербурге.[4] В 1950–1970-е годы вышли в свет работы И. Ф. Ковалева[5] и П. С. Рейфмана,[6] посвященные периоду редактирования Гончаровым газеты «Северная почта» и его сотрудничеству в «Голосе», после чего в изучении публицистики романиста наметился некоторый спад. Возрождение интереса произошло в ходе работы по подготовке томов Полного собрания сочинений и писем Гончарова, следствием которой стал целый ряд статей и публикаций, существенно пополнивших корпус газетных текстов писателя, в том числе связанных с его участием в изданиях Краевского.[7]

Знакомство Гончарова с Краевским состоялось еще в 1840-е годы. Затем, во время службы в Петербургском цензурном комитете, писатель в течение нескольких лет не только курировал «Отечественные записки»,[8] но и неофициально помогал издателю в прохождении журнальных материалов через цензуру.[9] В 1859 году здесь был опубликован роман «Обломов».

В связи с цензурованием «Отечественных записок» Гончаров просит Краевского обеспечить его ежедневным экземпляром газеты «Санкт-Петербургские ведомости», фактическим редактором которой с 1852-го по 1863 год являлся его адресат. «Еще я хотел назваться на получение Вашей газеты, — пишет Гончаров 18 ноября 1856-го, — если не теперь, то хоть с Нового года, вот почему: я не получаю никаких ведомостей и потому лишен возможности следить за политическими и другими новостями, а иногда придется, конечно, упоминать о многом в „Отеч<ественных> записках“, что уже напечатано, а мне неизвестно, и что может иногда показаться мне новым. Экземпляр я могу по прочтении возвращать с Вашим же рассыльным назад: оставлять мне его у себя не для чего» (1911. № 12. С. 496–497).

---

[4] *Мазон А. А.* Материалы для биографии и характеристики И. А. Гончарова // Русская старина. 1911. № 10. С. 34–62; № 12. С. 491–499; 1912. № 3. С. 549–568; № 6. С. 492–515. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием года издания, выпуска журнала и страницы.

[5] *Ковалев И. Ф.* И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2. С. 136–141.

[6] *Рейфман П. С.* И. А. Гончаров и газета «Голос» // Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1971. Вып. 18. С. 222–226 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 266).

[7] *Гайнцева Э. Г.* 1) И. А. Гончаров и «Петербургские отметки» (К атрибуции фельетонов в «Голосе») // Русская литература. 1995. № 2. С. 163–180; 2) И. А. Гончаров в «Северной почте» (История одной газетной публикации) // Материалы Междунар. конф., посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998. С. 261–267; *Гуськов С. Н.* 1) И. А. Гончаров — газетчик. Неизвестный текст автора «Обломова»? // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 111–120; 2) И. А. Гончаров, П. А. Валуев и кампания всеподданнейших писем 1863 года // Русская литература. 2019. № 4. С. 72–80; 3) Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной почте») // Складчина. Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева. М., 2019. С. 63–70; 4) О неизвестных статьях И. А. Гончарова в газете «Северная почта» // Русская литература. 2022. № 4. С. 143–152; 5) Зачем «Северная почта» в 1863 году призывала русских дворян вернуться на Родину? (Еще раз о деятельности И. А. Гончарова на посту главного редактора правительственной газеты) // Там же. 2023. № 4. С. 180–191; 6) Неизвестный петербургский фельетон И. А. Гончарова // Там же. 2024. № 4. С. 74–83; *Зубков К. Ю.* И. А. Гончаров-фельетонист на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» // Материалы VI Междунар. науч. конф., посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2017. С. 213–224.

[8] «Вероятно, Вас уже известили, — писал Гончаров Краевскому 25 ноября 1856 года, — что „Отеч<ественные> записки“ поступили на цензуру ко мне и что с декабря я буду упражняться в весьма пристальном чтении их. <...> Мне было дали „Соврем<енник>“ (но я упросил И. И. Лажеч<никова> перемениться: так и утверждено)» (1911. № 12. С. 495).

[9] См. об этом: *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2014. Т. 10. С. 460–462, 483.

В 1862 году, после вынужденного ухода Краевского из «Санкт-Петербургских ведомостей»,[10] между ними была заключена сходная договоренность, но уже по поводу другой газеты и на несколько измененных условиях. Гончаров хотел читать новообразованный «Голос», но ему не хотелось платить за годовой комплект, а принимать его в дар он, по свойственной ему щепетильности, отказывался. Достигнутое неформальное соглашение с издателем состояло в том, что Гончаров обязался ежегодно поставлять ему несколько корреспонденций и в качестве гонорара получать подписку.[11] Первая из выявленных публикаций писателя в «Голосе» — «Одно из неудобств уличной жизни (Письмо к редактору)» с подписью «И. А.» — была помещена в разделе «Фельетон» в первый же год издания газеты (1863. 19 окт. № 276. С. 1).[12] А одна из последних — открытое письмо в редакцию с объяснением причин отказа от публичного чествования 50-летнего юбилея литературной деятельности, напечатанное без заглавия в разделе «Внутренние известия» с подписью «И. Гончаров» — вышла в год закрытия «Голоса» (1883. 8 (20) янв. № 8. С. 2).[13] Частота публикаций не была одинаковой. Наиболее продуктивными оказались 1863–1865 годы. В течение этих лет Гончаров поместил в «Голосе» своеобразный цикл небольших заметок, посвященных повседневным неурядицам городской жизни. Все они, за исключением уже упоминавшегося фельетона «Одно из неудобств уличной жизни...», были напечатаны в рубрике «Петербургские отметки».

Следует сказать, что этот подраздел «Внутренних известий» появился в газете Краевского не сразу. Первоначальная структура издания воспроизводила привычные стандарты, унаследованные от предыдущей эпохи. В основном корпусе первой и второй полос «Голоса» публиковалось политическое обозрение, включающее рубрику «Действия правительства» (высочайшие повеления, правительственные распоряжения, производство по государственной службе), далее на второй и третьей газетных полосах шли «Русские новости», с рубриками «Петербургская хроника» (происшествия, информация о литературных и общественных мероприятиях столицы) и «Разные известия» (с аналогичным контентом из Москвы и крупных губернских городов), затем следовали отделы «Телеграммы „Голоса“» и «Новости заграничные». Последний, как правило, заходил на четвертую, заключительную полосу газеты, бóльшая часть которой отводилась для справочной информации и коммерческих объявлений. Фельетон «Голоса» занимал «подвалы» первых двух, изредка трех полос и отличался значительным разнообразием. Здесь тоже были постоянные рубрики, в том числе авторские, которые чередовались из номера в номер: «Библиография», «Разные разности», «Вседневная жизнь», «Очерки лондонской жизни» (С–гъ), «Парижское обозрение» (Евгении Тур), «Отовсюду», «Московская жизнь» (С. П.), «Заграничная хроника».

При составлении отделов основного корпуса «Голоса» активно использовались перепечатки из других газет. Так, например, содержание рубрики «Петербургская хроника» в большой степени дублировало информацию, почерпнутую из «Ведомостей Санкт-Петербургской городской полиции» (кражи, драки, пожары, несчастные случаи). В разделе «Фельетон», занятом театральными обозрениями, рецензиями на книги, обзором технических новинок, анекдотами о заграничных нравах, бытовыми

---

[10] Против кандидатуры Краевского как издателя-редактора «Санкт-Петербургских ведомостей» (на условиях аренды) выступил президент Императорской Академии наук Д. Н. Блудов, см. об этом: *Веселовский К. С.* Эпизод из истории «Санкт-Петербургских ведомостей» // Русский архив. 1893. № 7. С. 392–398.

[11] Впервые упоминание о таковой договоренности появляется в письме Гончарова к Краевскому от 30 декабря 1864 года: «Чтобы не даром получать „Голос“ и в будущем году (а я хочу получать его, ибо с удовольствием только его и читаю), препровождаю к Вам сейчас начертанный мной идеал Петербурга (для «Петербургских отметок»)» (1912. № 3. С. 561; с ошибочной датировкой: 30 декабря <1866>). Но наиболее отчетливо, вплоть до указания цены годовой подписки, условия соглашения повторены в послании к тому же адресату от 1 декабря 1875 года (1912. № 6. С. 504).

[12] Обоснование атрибуции см.: *Рейфман П. С.* И. А. Гончаров и газета «Голос». С. 224–226.

[13] Атрибуция Мазона (1912. № 7. С. 506–512).

зарисовками и тому подобными произведениями «газетной беллетристики» (иногда перемежающимися отчетами Городской думы и путевыми или этнографическими очерками), перепечаток не было, здесь публиковались только оригинальные статьи. При этом, невзирая на компилятивный характер и пестроту материала, даже в неподписанных текстах явно присутствовали целостность авторского замысла и единство стиля.

Со временем рубрика «Петербургская хроника» также дистанцировалась от практики перепечаток из ведомственных газет, приобрела статус редакционной колонки с оригинальным содержанием и обзавелась дополнительным подзаголовком «Петербургские отметки» (который нередко варьировался как «Отметки»). Новый формат рубрики появляется в конце 1863 года (впервые: Голос. 1863. 20 окт. № 277. С. 3 (1093)) и к февралю следующего года полностью вытесняет прежние название и формат. Но, в отличие от «Фельетона», в котором публиковались крупные по объему и композиционно завершенные тексты, «Петербургские отметки» представляли собой подборку стилистически разнородных микрокорреспонденций, объединенных сугубо городской тематикой жалоб на уборку и освещение улиц, нарушение правил забора, маркировки и доставки питьевой воды, ремонт тротуаров и мостовых, отлов бродячих собак, а также необходимость надзора за детским попрошайничеством, спекуляцией театральными билетами, извозчиками-лихачами, недочетами в работе городской почты и т. п.

Несмотря на кажущуюся мелочность обсуждаемых проблем, нешаблонный подход к давно освоенному жанру городской хроники оказался востребованным и быстро набрал популярность.[14] Если в течение первого года издания «Голоса» рубрика «Петербургская хроника» появлялась на страницах газеты два-три раза в неделю (и реже), то в 1864–1865 годах сменившие ее «Петербургские отметки» печатались фактически ежедневно. Регулярное повторение сюжетов, требующих особенно тщательного наблюдения, демонстрировало целевую установку редакции на получение ответной реакции со стороны местных органов управления: «Есть вещи, о которых следует говорить как можно чаще, потому что напоминания эти могут броситься в глаза тем, от кого зависит устранение различных беспорядков».[15] Помимо этого, отчитываясь о достигнутых успехах перед читателем, газета формировала свою, вовлеченную в городскую жизнь аудиторию, что со временем должно было привести к росту общественного самосознания горожан в целом: «Мы не можем сказать, в какой мере газетные заявления содействуют уничтожению существующих в Петербурге неудобств, но не можем не передать читателям, что, как нам кажется, подобные заявления не проходят ныне бесследно. Так, в начале этого месяца мы сообщили о дурном содержании спусков для пешеходов на каменном мосту и вскоре имели случай увидеть, что с этих спусков <...> скалывали лед, <...> сугробы вдоль рельсов железно-конной дороги <...> несмотря на шедший в иные дни снег уже не были так значительны, как были они значительны в первые дни нового года. <...> Основательно или нет, но ввиду приведенных теперь фактов мы позволяем себе думать, что подобные газетные заявления, *как не наши лич-*

[14] В. Г. Березина фиксирует, что к началу 1860-х годов «широко распространенное в русской периодике XVIII и первой половины XIX в. „письмо к издателю“ перестает быть чисто литературным приемом и превращается в газетный жанр, за которым стоит реальный корреспондент». Исследовательница отмечает, что именно в это время «впервые в истории русской газетной периодики редакции газет начинают вести работу с письмами читателей» (Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Л., 1965. Т. 2. Вторая половина XIX века. С. 38). Как правило, полученные корреспонденции публиковались с подписью и целиком. В тех случаях, когда печать полного текста признавалась по каким-либо причинам нецелесообразной, он приводился «в извлечении с соответствующими комментариями редакции в отделе „Ответы редакции“, который <...> также является приобретением газетной периодики 1860-х годов» (Там же. С. 38–39). Стоит подчеркнуть, что новаторство «Голоса» в этом вопросе шло дальше. Нововведение состояло в инкорпорировании писем читателей в жанр «городской хроники» взамен перепечатки новостей о «происшествиях», взятых из официальных источников. Наряду с этим часть «писем в редакцию» по более широким проблемам по-прежнему публиковалась полностью, но не под рубрикой, а в разных отделах газеты.

[15] Голос. 1864. 18 (30) янв. № 18. С. 3.

ные, но как доходящие к нам из среды петербургского населения, не были бесплодны. Очень понятно, что полицейское начальство не всегда может, с своей точки зрения, определить с достаточною верностью, в какой именно мере что-либо обращается в неудобство для жителей столицы, и потому печатные заметки об этом <...> представляются делом не излишним».[16] Позиция газеты, пропагандирующей будничную коллективную деятельность по поддержанию правопорядка, благоустройства и комфортности городской среды, явно совпадала с надвигающейся идеологией возвеличивания «малых дел» на пути цивилизации и прогресса. Совершенно очевидно, что подобная формула социально-политического развития не могла не вызвать гневный ответ из лагеря сторонников более радикальных преобразований.

Признанными флагманами русской газетной периодики первой половины 1860-х годов были ежедневные «Московские ведомости» и петербургский «Голос».[17] Оба издания начали выходить в 1863 году, что совпало с началом восстания в Царстве Польском,[18] предопределившего резкое политическое расхождение новых печатных органов.[19] Учреждение газеты Краевского состоялось по инициативе и при помощи министра финансов М. Х. Рейтерна, министра народного просвещения А. В. Головнина, министра внутренних дел П. А. Валуева.[20] Обновленные «Московские ведомости» под редакцией М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева (взявших газету и типографию Императорского Московского университета в длительную аренду) пользовались покровительством воспитателя цесаревича Николая Александровича С. Г. Строганова, председателя Государственного совета Д. Н. Блудова, министра иностранных дел А. М. Горчакова, а также М. Н. Муравьева (Виленского) и будущего министра народного просвещения Д. А. Толстого.[21] Вокруг газеты Каткова консолидировалась недовольная программой реформ консервативная оппозиция в лице самых высокопоставленных сановников империи, а выступления по польскому вопросу вскоре снискали ее редактору и особое расположение царствующей четы.[22] Представители высшей администрации,

---

[16] Там же. 30 янв. (11 фев.). № 30. С. 2 (курсив наш. — *Н. К.*).

[17] См.: «„Голос“ сразу занял преобладающее место в русской периодической печати; конкурентом ему явились, несколько позже, только „Московские ведомости“, редактор которых находился в совершенно исключительных условиях, ведя свой официозный орган согласно с мнениями высшей власти, а не с административными воззрениями, часто менявшимися, еще чаще колебавшимися, причем влияния разных ведомств входили иногда в прямой антагонизм между собою» (*Зотов В. Р.* Нестор русской журналистики // Исторический вестник. 1889. № 11. С. 364–365).

[18] Подробнее об этом см.: *Айрапетов О. Р.* Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2013. Т. XV. Польское восстание 1863 года. С. 7–138; *Воронин В. Е.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008.

[19] См.: *Иванова С.* Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego / Ежегодник Русско-польского института. 2012. № 1 (2). С. 9–32.

[20] *Луночкин А. В.* От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России: история и современность. СПб., 2001. Вып. 1. С. 77; см. также: *Зайцева А. А.* Деятельность А. А. Краевского по созданию газеты «Голос» // Проблемы истории СССР. М., 1983. Вып. 13. С. 217–229; *Громова Л. П.* 1) А. А. Краевский — редактор и издатель: Учеб. пособие. СПб., 2001; 2) Краевский и Гончаров: к истории литературных отношений // Вопросы истории и теории журналистики. Екатеринбург, 2019. С. 17–24.

[21] *Сементковский Р. И.* М. Н. Катков, его жизнь и публицистическая деятельность: Биографический очерк. СПб., 1892. С. 51.

[22] Подробнее об этом см.: *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1975. Вып. 24. С. 3–27 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 358); *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978; *Перевалова Е. В.* 1) М. Н. Катков. Несколько штрихов к портрету публициста // Вестник Московского государственного университета печати им. Ив. Федорова. 2011. № 3. С. 146–163, 2) «Московские ведомости» М. Н. Каткова в 1863–1864 гг. — политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2015. № 4 (36). С. 163–178.

с которыми сотрудничал «Голос», входили в близкое окружение вел. кн. Константина Николаевича — убежденного сторонника проведения либеральных реформ, главы императорского флота и Морского ведомства, председателя Главного комитета по крестьянскому делу, наместника Царства Польского (с июня 1862-го по октябрь 1863 года).[23]

С первых же шагов газеты вступили в жесткую конфронтацию и быстро перешли к прямым оскорблениям и угрозам. На повестке дня остро стоял вопрос о контроле правящих элит над периодической печатью как мощным инструментом формирования общественного мнения, способным повлиять на принятие политических решений. Если учесть, что на первых порах своего существования программа и направление «Голоса» почти всецело зависели от целей и задач Министерства народного просвещения, официозом которого газета была в 1863–1864 годах,[24] то можно сказать, что на страницах прессы столкнулись не столько общественные и литературные позиции газетных редакций, сколько безудержное честолюбие Головнина и Каткова.[25] Основная борьба велась в помещенных на первой полосе газет «руководящих статьях»,[26] но часть публицистических ударов пришлась и на скромную по своим притязаниям рубрику «Петербургские отметки».

Весной 1863 года министром внутренних дел П. А. Валуевым была организована кампания «всеподданнейших писем» на высочайшее имя с изъявлением верности престолу, которые печатались в «Северной почте» (ведомственной газете Министерства

---

[23] См.: *Стаферова Е. Л.* А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М., 2007; *Шевырев А. П.* 1) Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А. В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб., 2012. С. 51–70; 2) Между Варшавой и Петербургом: великий князь Константин Николаевич, А. В. Головнин и Польское восстание 1863 г. // Польское Январское восстание 1863 г.: исторические судьбы России и Польши. М., 2014. С. 210–227; *Воронин В. Е.* К вопросам о развитии политической доктрины либеральной бюрократии и о борьбе внутри правительственного лагеря в 1863–1864 гг. (по материалам деятельности вел. кн. Константина Николаевича) // Власть и общество России в прошлом и настоящем. Сб. статей по материалам научных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Д. С. Бабурина. М., 2000. С. 475–485.

[24] Подробнее об этом см.: *Веселовский К. С.* Записки и воспоминания. А. В. Головнин // Веселовский К. С. Отголоски старой памяти. Воспоминания и записки непременного секретаря Императорской Академии наук. СПб., 2018. С. 113–116, 124–130 (сер. «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки»; вып. 10); *Есин Б. И.* Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М., 1981. С. 96–97; *Стаферова Е. Л.* А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении. С. 184–187; *Бадалян Д. А.* Официальные и официозные издания в борьбе элит в России XIX века // Типология журналистики в России: опыт формирования и трансформации. СПб., 2025. С. 281–287.

[25] В ноябрьском письме 1863 года уже отстраненный от редактирования, но еще сотрудничающий с «Журналом Министерства народного просвещения» К. Д. Ушинский делился с Л. Н. Модзалевским своими наблюдениями над редакционными статьями «Голоса». Отметив, что в их основе лежит «какая-то *тайная* борьба, причин которой мы не знаем», он заключал, что конфликт разгорелся «между Министерством и Катковым», поэтому нетрудно догадаться, чьи интересы отстаивают публицисты: «Катков нападает на партию, которую и я не намерен защищать, хотя нападать подло <...>. Черт их знает, за что они сцепились; но только Министерство защищается слабо. <...>. Катков громко требует свободы печати, чтобы обнаружить ловких людей и их *польские замыслы*» (К биографии К. Д. Ушинского (выдержки из его частной переписки) // Русская школа. 1893. № 7–8. С. 68).

[26] В обзоре Министерства внутренних дел за 1863 год появление полноценных передовых статей называлось одной из наиболее существенных новаций отечественной публицистики: «В прошедшие годы вообще, а в минувшем году преимущественно, развился у нас еще особый род литературы, свойственный исключительно ежедневным газетам, — так называемые *руководящие статьи* по предметам внешней и внутренней политики. Эти статьи стали решительно необходимостью сколько-нибудь заметной политической русской газеты. В этих статьях газеты стремятся заявлять собственные свои взгляды и направления» (О направлении периодической литературы вообще и замечательных периодических изданий в особенности в 1863 году // Собрание материалов о направлении различных отраслей русской словесности за последнее десятилетие и отечественной журналистики за 1863 и 1864 г. СПб., 1865. С. 209).

внутренних дел). Зона территориального охвата писем и многообразие социального состава их подателей должны были показать всенародный масштаб происходящего. Первой публикацией такого рода стал верноподданнический адрес санкт-петербургского дворянства в сопровождении речи генерал-губернатора Петербурга А. А. Суворова, выразившего уверенность, что предпринятая инициатива встретит широчайшую поддержку: «Голос этот, раздавшийся впервые, как и следовало, в столице, разнесется по всей русской земле и отзовется общим сочувствием и восторгом».[27]

Несмотря на откровенно пропагандистский характер кампании и резкое ее неприятие со стороны критически настроенных и оппозиционных изданий в стране и за рубежом (чего не смогла проигнорировать даже редакция самой «Северной почты»),[28] «всеподданнейшие письма» перепечатывались многими газетами, в том числе «Голосом» и «Московскими ведомостями». По мнению С. Н. Гуськова, хорошо организованная и во многом успешная патриотическая акция не только была нужна инициировавшему ее Валуеву для решения злободневных проблем, связанных с его служебными обязанностями, но и преследовала далеко идущие планы министра о «так называемом „конституционном проекте“, предполагавшем введение в России представительного органа власти, нового Государственного совета, прототипа первого русского парламента».[29] Катков, глубоко убежденный, что любые проявления политического либерализма только расшатывают устои государства и в конечном счете ведут к социальным потрясениям, в полной мере оценил лишь символический потенциал кампании, особенно в ракурсе возможностей его перекодирования и дальнейшего присвоения.

28 марта (сразу после всеподданнейшего адреса Санкт-Петербургского дворянства в «Северной почте», перепечатанного на страницах «Московских ведомостей» в день публикации)[30] Катков помещает заметку о том, что уже «в первых числах марта» «*до десяти тысяч* простого народа из фабричных рабочих» служили в Москве панихиды «по убитым русским воинам» и молебны «о торжестве русского оружия». Позиция автора материала была понятна с первых слов: пока «люди просвещенные и умные, говорящие и пишущие, и правоправящие» делают «торжественные заявления», чтобы «произвести впечатление», «простые» «русские люди», которые «собраний не имеют, речей не говорят и адресов никаких не посылают», всем сердцем молятся за спасение царя и отечества. «У них одно прибежище, где пробуждается и говорит в них духовное начало, одно прибежище — храм, и тут их политика, тут их философия».[31] К заметке прилагался список, «с каких фабрик и в каких церквах сходились рабочие».[32]

---

[27] Северная почта. 1863. 27 марта. № 68. С. 269.

[28] См. опубликованное в газете опровержение: «Западная пресса коснулась в последнее время и поднесенных Государю Императору всеподданнейших писем. Напрасно мы радовались этим всенародным патриотическим излияниям: оказывается, что во всех губерниях и городах, все сословия — дворянство, купечество, мещане, крестьяне, старообрядцы, духовенство, — сочиняли свои письма *по приказу полиции*, точно так как по таковому же приказу — служены были все молебствия о здравии Его Величества и панихиды о падших воинах! Коротко и ясно. „Opinion Nationale“ пошла дальше всех, окончательно упростила процесс выражения патриотических чувств русским народом. В нумере от 2-го июня эта газета представляет в переводе два *документа*: проэкт речи священников прихожанам в Западнорусском крае и проэкт всеподданнейшего письма для подписания прихожанами после этой речи — проэкты речи и письма, *составленные министром внутренних дел, утвержденные Государственным советом* и разосланные православным священникам <...> для точного исполнения, которое таким образом и последовало!!! „Opinion Nationale“ утверждает, что эти документы присланы ей из России: но кажется вернее предположить, что это изделия той же фабрики, которая произвела золотые грамоты, лжеманифесты, бюллетени о победах инсургентов над русскими и прочий запас вестей и, так называемых ею, *документов*, которыми она снабжает рынок иностранной прессы» (Там же. 28 мая. № 115. С. 465).

[29] Подробнее об этом см.: *Гуськов С. Н.* И. А. Гончаров, П. А. Валуев и кампания всеподданнейших писем 1863 года. С. 77.

[30] Московские ведомости. 1863. 27 марта. № 67. С. 1.

[31] Там же. 28 марта. № 68. С. 1.

[32] Там же. С. 1–2.

Затем тезис о праве на общественное мнение, которое не должно принадлежать малой социальной группе, изолированной от традиционных ценностей «народа-суверена», получает развитие в передовой статье № 83 от 18 апреля о всеподданнейших письмах из Москвы (от «всесословной» московской Городской думы, от дворянства Московской губернии, от Московского университета, от «двух главных старообрядческих согласий Рогожского и Преображенского» и от «временнообязанных крестьян разных губерний, проживающих в Москве»). Катков пишет: «Наше народное и государственное единство никогда не было так упрочено, как теперь. Великая и тяжкая работа тысячелетия оканчивается преобразованиями, которые, как сказано в московском городском адресе, „новыми теснейшими узами соединяют русского Царя с русскою землей и дадут новую крепость Его державе“. <...> *Явилась новая, великая сила — общественное мнение*, всеобъемлющий интерес общего дела. Общественные понятия группируются и зреют. Зиждительные силы нашей народности живут уже не в одних темных инстинктах, но и в сознании. <...> Как бы смиренно ни смотрели мы на самих себя, как бы ни были скромны наши мнения о наших силах, мы можем с полным убеждением повторить сказанное во всеподданнейшем адресе дворянства Московской губернии: „Во главе освобождаемой Вами России, Вы могущественны, Государь. Вы могущественнее Ваших предшественников“. <...> Миролюбие совершило все возможное для обезоружения наших врагов и для успокоения нашего мятежа. <...> Срок, постановленный всемилостивейшим манифестом,[33] истекает; но восстание не прекращается. <...> Отныне должны мы обнаружить ту твердость, которая, по выражению адреса московской Городской думы, „прощая виновных, смирит непокорных“. <...> Отныне для прекращения мятежа нужно не столько истребление шаек, сколько крепкая и надежная администрация края».[34] По мысли публициста, сотни писем и адресов, поступающих на высочайшее имя от всех слоев населения — от самых бедных и малограмотных до высокообразованных и финансово состоятельных, — отражали их стремление к национальному единству под властью русского царя, что позволяло объявить о расширении публичной сферы и наличии общественно принятой точки зрения. Роль выразителя этой точки зрения Катков отводил себе, а эпицентром формирования всенародного волеизъявления должны были стать его издания.

В выше процитированной передовице «Московских ведомостей» заострялся еще один, значимый для полемики Каткова с редакцией «Голоса» пункт, а именно бездействие «гражданской администрации <Западного> края» под началом маркиза А. Велепольского и «политика примирения» русского правительства в лице августейшего наместника, ослаблявшие центральную власть. По мнению исследователей, единственным принципом, которого действительно старался придерживаться вел. кн. Константин Николаевич, был принцип законности: «Наместник пытался своими действиями показать, что законам должны следовать не только подданные, но и сама власть. „Мы должны строго избегать таких действий, которые глядят произволом, — писал он императору в октябре 1862 г., — потому что вся наша моральная сила находится в строгой легальности. Только будучи строги в отношении самих себя, мы можем быть строги в отношении других; только держась законности сами, можем требовать законность от других“».[35] Наглядной демонстрацией приверженности закону были публичные судебные процессы по делу о покушениях на самого наместника и его помощника Велепольского летом 1862 года.[36]

---

[33] 31 марта 1863 года был объявлен Высочайший Манифест о полной амнистии мятежникам, которые, «не подлежа ответственности за иные уголовные или по службе в рядах войск преступления, сложат оружие и возвратятся к долгу повиновения до 1 (13) мая 1863 года» (Полн. собр. законов Российской империи. 2-е собр. СПб., 1866. Т. 38. Ч. 1. № 39443).

[34] *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863 год. М., 1897. С. 175–176 (курсив наш. — *Н. К.*). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием в скобках номера страницы; датировка статей приведена в соответствие с выпусками газеты.

[35] *Шевырев А. П.* Между Варшавой и Петербургом... С. 215–216.

[36] Подробнее об этом см.: *Кучинский И.* История шести месяцев (июль–декабрь 1862 г.) // Исторический вестник. 1902. № 3. С. 1035–1062.

В глазах консервативной оппозиции, постоянно сравнивавшей действия великого князя в Польше с жестоким усмирением северо-западных губерний генералом М. Н. Муравьевым, поиск политического компромисса и фактический отказ от массовых репрессий были основными причинами вооруженного восстания. Предваряя публикацию «Прошения крестьян из Царства Польского к генералу Муравьеву», Катков (незадолго до отстранения Константина Николаевича с поста наместника) писал в № 178 от 15 августа: «Читатели пробегут с интересом помещаемую ниже корреспонденцию из Вильна. Это краткий очерк того, что там предшествовало восстанию, характеристика той атмосферы, среди которой развивалась и которою была отчасти вызвана интрига, приведшая к теперешней кровавой развязке. Эта атмосфера есть фальшивый либерализм, жертвующий самыми священными интересами отечества, лишь бы казаться (но не быть) либерализмом. <...> Истинный либерализм есть сила, а не уступчивость. <...> Он допускает и лелеет свободу потому, что верит в ее животворящую силу, а не потому, что не чувствует в себе сил бороться с притязаниями, направленными против законного порядка, против основ государства и общества. Истинный либерализм не есть и мягкость, <...>. От такой мягкости терпит законность; ею пользуются нарушители закона; истинно либеральные элементы общества она отталкивает от себя, отдавая их во власть элементов революционных» (с. 455–456).

Оплотом «фальшивого либерализма» Катков считал петербургскую прессу, за которой стояла придворная коалиция, названная в мемуарах его единомышленника «партией полякующих русских».[37] В течение всего 1863 года из передовицы в передовицу «Московских ведомостей» прослеживаются нападки на «Санкт-Петербургские ведомости» (30 апр. № 92; 8 июня. № 124), на «Русского инвалида» (9 июля. № 149; 4 дек. № 264; 24 дек. № 280) и петербургские официальные («казенные») газеты (24 дек. № 280), на петербургские газеты и «Голос» (1 окт. № 212)[38] и, наконец, на «г-на Краевского и его сотрудников» за то, что, по мнению последних, «политика, принятая в Царстве Польском, была самая лучшая политика, система Велепольского была самою лучшею системой, и вообще дела с нашей стороны шли в Польше как нельзя удовлетворительнее» (13 окт. № 222).

Разоблачая и обличая, издатель «Московских известий» постоянно возвращался к вопросу об общественном мнении и о праве говорить от имени широких народных масс. Согласно его взглядам, такие полномочия могут предоставляться только независимым, а не казенным изданиям, продвигающим в «неофициальных» отделах ведомственных газет коммерческие или партийные интересы третьих лиц. «Правительство может признавать и не признавать общественное мнение, — пишет публицист в статье, опубликованной 24 декабря (№ 280), — но общественное мнение есть общественное мнение; оно есть то, что оно есть, и в нем выражается не правительство, а общество» (с. 771). Он напоминает, что еще недавно, «назад тому лет восемь, у нас не было никаких политических изданий, ни казенных, ни частных; и об общественном мнении, как о действующей силе, не могло быть и речи. В ту пору не могло быть существенного различия между официальными, полуофициальными (т. е. официозными. — *Н. К.*) и неофициальными политическими изданиями. <...> Еще менее допускалось выражение каких-либо мнений о предметах внутренней политики» (с. 771).

---

[37] По словам М. Н. Муравьева, высочайшее назначение на должность виленского генерал-губернатора было принято им на условиях полного доверия Александра II и содействия со стороны ключевых фигур российского правительства. Данное на словах «как бы насильственное согласие» не было подтверждено делом, напротив того, на каждом шагу ему чинились разнообразные препятствия: «противодействие <...> оказывал министр внутренних дел П. А. Валуев, шеф жандармов князь В. А. Долгоруков, министры: иностранных дел князь А. М. Горчаков, почт и телеграфов И. М. Толстой, народного просвещения А. В. Головнин, финансов М. Х. Рейтерн, императорского двора и уделов граф В. Ф. Адлерберг и петербургский генерал-губернатор князь А. А. Суворов. Главой этой „партии русских полякующих“ Муравьев называл великого князя Константина Николаевича» (*Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 111).

[38] Ответ редакции «Голоса» см.: Голос. 1863. 9 окт. № 266. С. 1047.

В итоге Катков подводил читателя к следующим выводам: 1. «Свободное обсуждение общественных вопросов может быть плодотворно только тогда, когда в сфере мнений, равно *дозволительных*, ни одному не дается казенного пособия или правительственной привилегии» (с. 773); 2. Единственная независимая газета в России — это «Московские ведомости», так как ее издатели «не пользовались никакими правительственными пособиями и не приняли бы никакого пособия; если нас читали, то мы не имели ни одного обязательного читателя» (с. 598). В дополнение к этому Катков указывал, что в «Московских ведомостях» любые нравственные, политические, экономические и философские вопросы, в которых «замешаны самые существенные интересы России», рассматривались и рассматриваются «исключительно с русской точки зрения». Обвинение в «односторонности» такого взгляда редакцией отвергалось, потому что «в Москве эта односторонность извинительна» или, «по крайней мере, естественна» (с. 599), чего никогда не понять ни одной петербургской газете.[39]

Подготовленное таким образом столкновение с «Голосом», являвшимся на тот момент основным конкурентом «Московских ведомостей», было неизбежно. Поводом стала публикация «письма в редакцию», напечатанного на второй полосе политического обозрения газеты Краевского с подписью «Старина».[40] В статье корреспондента, укрывшегося под литературной маской пожилого обитателя глубинки, оспаривались ключевые положения передовой статьи «196-го нумера (от 10 сентября. — *Н. К.*) „Московских ведомостей“» (с. 522–525), доказывающие несовместимость «„федеральной“, или союзной формы» государственности с «политическими чувствами русского народа». С показным простодушием автор обвинял «называющую себя, вовсе не в шутку, „несомненным представителем большинства нашего общества“» газету в безнравственном использовании русских святынь и попрании правды, попутно окрестив ее редактора «гением безобразия».[41] В небольшом предисловии к этому материалу сообщалось о полной солидарности редакции с позицией корреспондента: «Просим читателей обратить внимание на помещаемую ниже статью „Финляндия и федеративное начало“. Редакция „Голоса“ вполне разделяет мнения, высказанные в письме г. *Старины*, независимо от тона, которым они высказаны».[42]

Если учесть, что незадолго до того в мартовской книжке «Отечественных записок» под тем же псевдонимом было напечатано еще одно, более обстоятельное и объемное «письмо в редакцию»,[43] высмеявшее программную статью Каткова «Что нам делать с Польшей?» в «Русском вестнике»,[44] можно понять степень негодования автора. Окончательно убедив себя в наличии антирусской интриги во всех, связанных с Головниным, изданиях,[45] Катков обрушивается на петербургских журналистов и их покро-

---

[39] Ср. с выпадами Каткова против «некоторых петербургских газет, <...> усердно старающихся отрекомендоваться публике в качестве органов, и даже поверенных, *confidents obligés*, общественного мнения», тогда как «нет менее правдивого указателя русского общественного мнения, чем петербургская журналистика» (с. 732–735), в передовой статье газеты № 268 от 10 декабря 1863 года.

[40] *Старина*. Финляндия и федеративное начало. Письмо в редакцию // Голос. 1863. 15 сент. № 242. С. 952.

[41] Там же.

[42] Там же. С. 951.

[43] *Старина.* Странная сбивчивость понятий. Письмо в редакцию // Отечественные записки. 1863. № 6. Отд. III. С. 280–298.

[44] [Катков М. Н.]. Что нам делать с Польшей? // Русский вестник. 1853. № 3. Отд. XII. С. 469–506.

[45] Ср. с несколько более поздними воспоминаниями Е. М. Феоктистова: «В конце 1864 года приехал в Петербург М. Н. Катков. При первом же моем свидании с ним он стал доказывать, что самому великому князю Константину Николаевичу не пришло бы в голову разыграть ту постыдную роль, которою он запятнал свое имя в Варшаве, что всему виной злой демон, его руководитель, что Головнин отуманил его пошлым либерализмом, а за спиной его сносится с Пальмерстоном, Маццини, со всеми нашими врагами и коноводами европейской революции. <...> Одна из отличительных черт Михаила Никифоровича заключалась в том, что всякую деятельность, шедшую явно вразрез с интересами России, он не хотел объяснять легкомыслием, недальновидно-

вителей с обвинениями в крамоле, шпионаже и чуть ли не в государственной измене. «Вот что значит петербургская атмосфера! — восклицает он в материале о корреспонденте «Таймс» и его столичных информаторах. — <...> Ничего нельзя представить себе хуже того духа, который сказывается в письмах <...> с берегов Невы. Все это ничтожество, все это растление, весь этот бессмысленный и презренный лжелиберализм особого рода, состоящий в измене своему народу, <...> все это так и повеяло на нас из двух прочтенных нами в газете „Times“ петербургских корреспонденций <...>. Над всем владычествует грубейшее чувство озлобления к одному из нынешних государственных деятелей наших, который виноват только в том, что честно исполнил свой долг и стал за это предметом ожесточенной брани со стороны врагов России <...>. О чем бы корреспондент ни заговорил, он непременно собьется на какую-нибудь ругательную выходку против генерала Муравьева. <...> Мы так и видим, как разные кружки <...> овладевают пишущим пришельцем и делают его своим адвокатом и органом. Они подбирают ему анекдотцы, они сообщают ему материал для острословия, они искажают факты, они крадут для него из правительственных архивов бумаги и выписывают из них что окажется пригодным для приправы их сообщений. <...> России страшны не внешние враги и не иностранные корреспонденты с их суждениями и отзывами: ей ненавистна и опасна эта внутренняя язва, против которой остается одно средство — могущественное заявление народного духа. <...> С фальшивым либерализмом мы покончили. На эту удочку нас теперь не поймают. <...> Твердая, ничем не совратимая национальная политика внутри и вне — вот наше спасение» (с. 775–778).

Передовица о «петербургской атмосфере» вышла в рождественском номере «Московских ведомостей» (25 дек. № 281). Редакция «Голоса» ответила на обвинения Каткова в первый день нового 1864 года статьей «Менцелизм „Московских ведомостей“»,[46] само название которой недвусмысленно указывало на доносительство, «темненькие инсинуации», «гаерство и сикофантство» «московского публициста».[47] Автор публикации «Голоса» подчеркивал, что, расточая «свои громы», «юпитер московской газеты» метил не столько в являвшуюся лишь «отголоском общественного мнения» журналистику, сколько в политические воззрения петербуржцев: «...на каких основаниях позволяет он себе обвинять нас, жителей Петербурга, хоть бы, например, в недостатке патриотизма (как ни смешон этот вопрос)? Помнит ли он, кто первый поднес всеподданнейший адрес Государю, при начале Польского восстания? Помнит ли он, кому прежде всех пришла мысль заявить общественное сочувствие государственному человеку,

---

стью, сумбуром, который господствовал у нас в умах; он не допускал мысли, чтобы люди шли по ложному пути только потому, что не понимали, где находится настоящий путь <...>. Именно с такой точки зрения смотрел он на Головнина, и мало-помалу жалкая фигура Александра Васильевича начала рисоваться пред его взорами в чудовищных формах; в негодовании своем приписывал он ему такие свойства, каких у того не было и в помине, — и ум необычайно проницательный, и непоколебимую твердость воли, и уменье приобретать безграничное влияние на людей; только все это было направлено на зло, всем этим пользовался Головнин на погибель России. Целью этого Мефистофеля было будто бы довести страну до коренного переворота, чтобы посадить вел. кн. Константина Николаевича на престол и самому управлять от его имени» (*Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Воспоминания. М., 1991. С. 137–138 (сер. «Голоса истории»)).

[46] Вольфганг Менцель (1798–1873) — критик и историк литературы, редактор журнала «Литературный листок», автор сочинения «Die deutsche Literatur» (1828; рус. пер.: *Менцель В.* Немецкая словесность: В 2 ч. СПб., 1837–1838). Его нападки на «Молодую Германию» в «Литературном листке» были восприняты современниками как политический донос, за которым последовало запрещение произведений Л. Берне, К. Гуцкова, Г. Гейне и ряда других писателей. В ответ на передовицу о «петербургской атмосфере» в «Московских ведомостях» «Голос», «в видах приличия», иносказательно назвал это произведение Каткова «*результатом* <...> *наблюдений*», с пояснением, что этой статье больше бы подошло название предисловия Гейне «Über den Denunzianten» («О доносчике»), написанного поэтом для третьего тома «Салона» (1837). Будучи памфлетом на Менцеля, предисловие было запрещено к печати в составе книги и вышло отдельной брошюрой.

[47] Голос. 1864. 1 (13) янв. № 1. С. 2.

действительно оказавшему большую услугу России (А. М. Горчакову. — *Н. К.*) <...> где „те пагубные действия петербургского либерализма, которые становятся все ощутительнее внутри России?“ <...> Фактов! фактов! давайте нам фактов! <...> Иначе мы обвиним вас в умышленной и злокачественной клевете и в... менцелизме».[48]

В январской книжке «Современника» за 1864 год в газетную баталию Каткова со столичными публицистами вмешался М. Е. Салтыков-Щедрин. Если ранее позиция сатирика в отношении изданий Краевского была исключительно ироничной[49] (в том числе из-за участия редактора в конкурентной «гонке» патриотической кампании всеподданнейших адресов),[50] то после выхода скандальной передовицы о «петербургской атмосфере» его высказывания о «Голосе» приобретают более взвешенный характер. Пусть и не в полную силу присущего ему публицистического темперамента, а достаточно сдержанно, Щедрин все-таки занимает сторону петербургской газеты. «...Если искусство падает, а литература безмолвствует, то жизнь не молчит и постепенно вырабатывает для себя новые формы, — пишет он. — Несмотря на уголовные обвинения, взводимые „Московскими ведомостями“ на петербургскую атмосферу (по мнению почтенной газеты, эта атмосфера до того тлетворна, что располагает даже к канцелярскому воровству), оказывается, однако ж, что все реформы и преобразования, которых мы были свидетелями в последнее время, зародились не в ином каком-либо месте, а именно в Петербурге, и что в Москве и в других местностях Российской империи, — может быть именно по причине слишком большой чистоты воздуха — представляются удобства только для крепкого и безмятежного сна. Деятельность наших канцелярий не умолкает и не прерывается, и в ожидании других важных реформ мы имеем, для нового года, новое положение о губернских и уездных земских учреждениях. Этим несомненно приятным известием я и заканчиваю мою хронику...».[51] Во второй части статьи содержалась полемика с «Современной летописью» о проектах «упразднения <предварительной> цензуры». По словам Щедрина, издатель воскресного приложения к «Московским ведомостям» надеялся вместе с ней похоронить «Современ-

---

[48] Там же. Ответ Каткова «Голосу» см.: Московские ведомости. 1864. 16 янв. № 12. С. 1.

[49] См., например: «...А. А. Краевский ощущает себя счастливым обладателем двух литературных органов, из которых в одном один и тот же предмет похваляет, а в другом порицает. И нуждушки ему мало. Он чувствует, что может приносить пользу и с этой стороны, и с другой — и приносит. И потому я пророчу А<ндрею> А<лександровичу> блистательную будущность» (Современник. 1863. № 12. Современное обозрение. С. 215); ср. с пародией на бессодержательность газеты Краевского (выведенной в журнале под названием «Куриное эхо») в мартовской хронике «Наша общественная жизнь» (Там же. № 3. Современное обозрение. С. 191–192).

[50] На это указывает цитирование реплик из передовых статей газет Краевского и Каткова времен печатания патриотических адресов, их споров о количестве привлеченных на свою сторону читателей и независимости своих изданий: «Странно и в высшей степени поучительно то положение, в которое поставили себя русские публицисты. Все они, в сущности, желают одного и того же, и в то же время все без изъятия враждуют между собой. Все желают, чтобы Россия благоденствовала, чтобы доверие между управляющими и управляемыми не прерывалось, чтобы правда царствовала в судах, чтобы войска были победоносны и чтобы журналы, в которых они принимают участие, приобретали все больше и больше подписчиков, — вот те законные идеалы, которые руководят их действиями. <...> Хотя все они тоскуют об одном и том же, но всякому хочется уверить публику, что он тоскует совершенно иначе, нежели его сосед, всякому хочется доказать, что сосед его с кем-то нюхается, а он... он хоть и нюхается, но совсем на другой манер, нюхается, так сказать, самостоятельно. <...> „*Я,* — скажет один, — *не имею обязательной публики: я действую самостоятельно и бескорыстно*“. — „*Да что ж, что у тебя нет обязательной публики,* — возразит другой, — *ведь ты очень хорошо понимаешь, что и без обязательной публики подписчик на твою приманку побежит! ты преднамеренно льстишь подписчику! ты смотришь на его карманы и сообразно с их положением излагаешь ту или другую мысль!* хорошо бескорыстие!“ И опять пойдет тут у них брань да баталия...» (Там же. № 12. Современное обозрение. С. 225, 227–228 (курсив наш. — *Н. К.*)).

[51] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Наша общественная жизнь // Современник. 1864. № 1. Современное обозрение. С. 46. По цензурным соображениям текст январской хроники Щедрина вышел в урезанном виде и цитируется по журналу как единственно доступному источнику сведений для участников полемики.

ник» и, «в особенности», «мою хронику, которая будто бы обязана своим процветанием именно цензуре, „принимающей на себя грехи авторов“».[52] Возражая не в меру «рьяному публицисту», сатирик восклицал: «В самом деле, что за странная путаница понятий!», давая понять, что с положениями одноименной статьи в «Отечественных записках» Краевского,[53] направленной против Каткова и «Русского вестника», он тоже согласен.

В том же номере «Современника», сразу после «хроники» Щедрина, была опубликована статья М. А. Антоновича «„Московские ведомости“ и „Голос“»,[54] где предлагалась прямо противоположная оценка того же литературного инцидента. Молодой и амбициозный журналист критиковал «Голос» и восхвалял «Московские ведомости», доказывая, что у петербургской газеты никогда не было собственной политической программы, а ее публицисты, «пишущие под диктовку г. Краевского», только имитировали полемику, чтобы привлечь внимание подписчиков. По его мнению, сотрудники «Голоса» и его издатель не ориентировались в политических течениях, не отличались компетенцией в области социально-экономических закономерностей и, как следствие, не были способны отстаивать общественные интересы. Единственным либеральным «украшением» нового петербургского издания являются «смелые и грозные обличения, так называемое бичевание наших общественных недугов, то есть дорогих ресторанов, дорогих извозчиков, неисправных водовозов и мусорщиков, снежных куч по Невскому проспекту и других подобных предметов, к которым „Голос“ неумолимо строг».[55] «Качающейся из стороны в сторону» газете далеко до «постоянства и неуклонности» позиции «Московских ведомостей», которые «всегда остаются верны самим себе» и представляют собой «единственную русскую газету, у которой один номер не противоречит другому и в одном и том же номере иностранный отдел не противоречит внутреннему».[56] «„Московские ведомости“ не потому *много читались, что льстили кому бы то ни было*, — пишет Антонович (отвечая на ту же реплику «Голоса», что цитировалась до этого в «хронике» Щедрина), — <...> а главное потому, что они отгадывали будущее, верно предсказывали события. Вот, например, „Голос“ ежедневно поднимает по десятку вопросов, сочиняет по десятку планов, проэктов и соображений: то он предлагает перевести извозчичью биржу с Владимирской площади на другое место, то — запретить извозчикам, едущим по Невскому проспекту, ругаться непристойными словами, то — предпринять литературный крестовый поход против дорогих ресторанов; но все эти прекрасные вещи так и остаются при „Голосе“, в его портфелях. Скажите же после этого, что лучше читать, — соображения ли „Московских ведомостей“, имеющие большую вероятность на осуществление, или досужие фантазии какого-нибудь господина, праздношатающегося и ищущего либеральной репутации по Петербургу?»[57]

Столь резкое расхождение в оценке газетного конфликта со стороны двух ведущих критиков некрасовского «Современника» имело далеко идущие последствия. Именно в этом материале впервые обозначились глубинные противоречия внутри редакции авторитетнейшего демократического журнала, положившие начало громкому литературному скандалу, известному под названием «раскол в нигилистах». Удар по репутации «Голоса» был нанесен «здесь и сейчас». Возражение от лица редакции последовало 18 февраля (1 марта) и было достаточно кратким. В статье обыгрывался заключительный пассаж первого фрагмента хроники Щедрина «Наша общественная жизнь», где после упрека, обращенного к «одному из кающихся нигилистов» в том, что его собеседник стал рассуждать «уже слишком приблизительно к „Русскому вестнику“», следовал ответ, который затем обреченно повторял сам автор:

«— Э, батюшка! все *там* будем!

---

[52] Там же.
[53] См. об этом выше, с. 72–73.
[54] Современник. 1864. № 1. Современное обозрение. С. 49–69.
[55] Там же. С. 63.
[56] Там же. С. 55.
[57] Там же. С. 67–68 (курсив наш. — *Н. К.*).

И по-моему, он сказал вещь совершенно резонную. Но и я сказал вещь не менее резонную, когда утверждал, что нигилисты суть не что иное, как титулярные советники в нераскаянном виде, а титулярные советники суть раскаявшиеся нигилисты…

Все там будем!»[58] В ответной перефразировке «Голоса» заявлялось: «„Современник“ предсказывает, что все будут *там*, где теперь „Московские ведомости“... Что касается нас, мы сомневаемся, чтоб это предсказание исполнилось над нами. Но журнал, который <...> пишет такой панегирик московским публицистам, какого не удостоивались они даже от г. Аскоченского, такой журнал, что бы он ни думал о себе и о своем направлении, не только очень близок к „Московским ведомостям“, но уже и *там*, с ними».[59]

22 февраля (5 марта) в «Голосе» был напечатан второй ответ «Современнику», обращенный к Антоновичу. Текст появился в рубрике «Петербургские отметки» и, с большой степенью вероятности, мог принадлежать перу Гончарова, так как здесь же были напечатаны еще четыре заметки писателя: о плохой уборке снега на уличных переходах (1. «Весь ходячий Петербург тонет ежедневно в рыхлом снегу...»; 2. «Имея случай ежедневно проходить от Сим<о>новского моста к Большой Садовой...»); о безграмотности квартирных объявлений (3. «Отдача квартир в Петербурге представляет, в своей теории и практике, хаос...»); об общественных урималах (4. «Проезжайте всю Западную Европу, и вы не увидите таких сцен, которые происходят в Петербурге ежедневно и на виду всех...»).[60] Возможно, писателя задел сатирический пассаж о «праздношатающемся по Петербургу господине», взыскующем дешевой популярности либерального фельетониста. Отстраняясь от политической дифференциации в профессиональном окружении, Гончаров неизменно полагал, что цивилизация начинается с разумной организации личного пространства и порядка на улицах. Приверженность такому образу мыслей подтверждается всем контекстом его творчества: от раннего фельетона «Письма столичного друга к провинциальному жениху» до последнего спора Райского с «нигилистом» Марком в одном из вариантов финала романа «Обрыв»: «...Уедем оба, Волохов. Я тоже на днях уезжаю. Мученики не нужны больше…

— Кто же нужен?

— Работники. Мучаться легче, нежели работать, а славы, то есть шуму, больше…

— Какие же это работники?

— А вот хоть Трынкин переулок вымостить, не кравши денег, мужиков за полушубок рассудить, не бивши по зубам, — и осветить тоже: я заметил, что фонари есть, только, кажется, без елея… И всё это возможно сделать при Боге: Он не помешает…».[61] Политическую подоплеку вопроса писатель делегировал представителям власти.[62]

---

[58] *Салтыков-Щедрин М. Е.* Размышления по случаю Нового года // Там же. С. 28.

[59] Голос. 1864. 18 фев. (1 марта). № 49. С. 2. Из-за цехового характера литературного творчества установление авторства передовых статей «Голоса» относится к наиболее проблематичным вопросам источниковедения. В воспоминаниях секретаря редакции указывалось, что составителями политического отдела газеты были «сын Краевского, Евгений, со своим помощником М. А. Загуляевым» (*Зотов В. Р.* Нестор русской журналистики. С. 366); другой мемуарист, отметив, что «„Голос“ статей от неизвестных авторов почти не принимал или принимал в виде исключения», среди тех, чьи тексты публиковались на первых полосах газеты, также называл имена «настоящих или будущих министров»: П. А. Валуева, А. В. Головнина, Д. А. Милютина, А. Е. Тимашева и К. П. Победоносцева (*Кауфман А. Е.* Из журнальных воспоминаний (Литературные характеристики и курьезы) // Исторический вестник. 1912. № 10. С. 129). Списки постоянных сотрудников газеты и авторов «случайных статей» были опубликованы в юбилейном издании: [Михневич В. О.]. 1863–1877: Пятнадцатилетие газеты «Голос». СПб., 1878. Ч. 2. С. 3–11; подробнее об этом см.: *Зайцева А. А.* Газета «Голос» во внутренней политике самодержавия периода буржуазных реформ. 1863–1870. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1985. С. 28–72; *Грибановская А. М.* Ежедневная газета в России: организация издания, финансовое положение, правовой статус (1860-е — начало 1880-х гг.). Дис. ... канд. истор. наук. М., 2016. С. 56–57, 70–77.

[60] Атрибуция Э. Г. Гайнцевой, см.: *Гайнцева Э. Г.* И. А. Гончаров и «Петербургские отметки». С. 176–178.

[61] *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. Т. 8. Кн. 1. С. 523.

[62] В конце 1864 года на обсуждение Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания была вынесена служебная записка О. А. Пржецлавского о «неестественном и вредном влия-

Надо полагать, что возможность установления авторства Гончарова для фрагмента текста о необходимости обсуждения «ничтожных, в смысле общественной деятельности», но оттого не менее «насущных» городских проблем ранее не привлекала внимания исследователей потому, что уже атрибутированные заметки (о разных текущих «неудобствах») были напечатаны в конце колонки в подбор, а ответ писателя на инвективы Антоновича о «смелых и грозных обличениях „Голоса“» помещен, как вступление к «Петербургским отметкам», в самом ее начале. Аналогичным образом выявивший три заметки Гончарова в «Голосе» от 11 (23) марта 1865 года (№ 70) Мазон не включил в состав своей публикации (1912. № 3. С. 566–568) полемический ответ газете «Народная летопись», также открывавший колонку «Петербургских отметок»,[63] хотя очевидное указание на авторство Гончарова содержалось в тексте того же письма Краевскому, которое и послужило основой для атрибуции напечатанных исследователем текстов.[64]

Также следует отметить, что первые месяцы 1864 года стали периодом самого интенсивного участия писателя в рубрике «Петербургские отметки» за все время его сотрудничества с «Голосом», что отмечалось в шутливом письме редактору от 21 февраля: «Так как я поступаю, кажется, в число постоянных Ваших сотрудников, то не худо, если б Вы, Андрей Александрович, положили мне какое-либо жалованье: и какое разнообразие: извозчики, собаки, музыка, вот будут в следующий раз общественные <нужники>, наконец Шекспир! Это оттого такое разнообразие, что „ничто человеческое мне не чуждо“» (1912. № 3. С. 558).

Своеобразным итогом столь «производительной» работы стал большой фельетон с редакционным названием «Введение к отделу „Петербургские отметки“ на 1865 год», написанный в конце декабря и напечатанный в первый день нового года.[65] Связь этого текста с публикуемым ниже фрагментом «Петербургских отметок» имеет генетический характер и хорошо просматривается не только на уровне лексико-стилистических

нии» газеты «Московские ведомости» на «общественное мнение <...> в ущерб силе и значению правительственной власти» (Там же. Т. 10. С. 109). В служебном отзыве Гончарова среди причин того, почему нельзя предъявлять обвинения Каткову, указывалось, что вменяемое нарушение носит массовый характер: «Если призвать на суд все наши журналы вместе, то „М<осковские> ведом<ости>“ окажутся более виновными против них разве тем, что занимают между ними <...> первое место» (Там же. С. 110). Далее эксперт Совета по делам книгопечатания Гончаров, сказав, что не видит особых причин «тревожиться громкой популярностью г-на Каткова и его настоящим и будущим влиянием на общественное мнение», задавался вопросом: «Прежде всего надо определить, какое общественное мнение? У нас их несколько, или, вернее, два: московское и петербургское. Но последнее относится к „Моск<овским> вед<омостям>“ холодно, а журналистика петербургская неприязненно, может быть, между прочим, par rivalité du métier (из-за профессионального соперничества. — *фр.*); первенствующее же общественное мнение в России все-таки петербургское» (Там же. С. 116–117). Напомнив таким образом о бурной полемике годичной давности и присудив лидерство Петербургу, Гончаров расписывается в искреннем убеждении о «неразрывном единении народа с властью», могуществе империи и непоколебимости государственных устоев, перед которыми влияние обсуждаемой газеты и ее редактора на общество не более чем «пустяки» (Там же. С. 117–118).

[63] Атрибуция Э. Г. Гайнцевой (см.: Там же. Т. 11 (в печати)); о дальнейшей полемике с «Голосом» в рубрике «Заметки и слухи» см.: *Козлов А. Е.* Н. Д. Ахшарумов в роли редактора газеты «Народная летопись»: к вопросу о символическом капитале имени // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2019. Т. 18. № 6. С. 43–45.

[64] См.: «Вот не хотите ли, Андрей Александрович, поместить прилагаемую „Петерб<ургскую> отметку“ (опять о собаках, опять о птицах и еще о грязи)? <...> если захотите поместить, то напечатайте не в виде письма от читателя, как вы это делали прежде, *а прямо от самой редакции, тем более что тут защищается „Голос“ против новой газеты*» (1912. № 3. С. 566–567; курсив наш. — *Н. К.*); предыдущая гончаровская заметка «о собаках» была напечатана с редакционным комментарием: «...статья наша вызвала следующее письмо, полученное от одного из наших читателей» (Голос. 1864. 19 фев. (2 марта). № 50. С. 3).

[65] Голос. 1865. 1 (13) янв. № 1. С. 3; с редакционным комментарием: «Мы получили на новый год от „одного из наших читателей“ статейку с требованием поместить ее непременно в 1-м № газеты на 1865 год, как введение к будущим „Петербургским отметкам“. Исполняем его желание». Атрибуция А. Мазона, см.: 1912. № 3. С. 561–566.

пересечений, но и репрезентации преемственности текстов, включая самоцитирование.[66]

В начале 1864 года, по горячим следам после выступления «Современника», Гончаров парировал обвинения Антоновича в мелочности и пустоте «Отметок», разъяснил «чисто практический, а не правительственно-обличительный» характер их содержания и высказал убеждение, что «прилив таких статеек <...> не только не вредит значению газеты как органа общественного мнения, но даже, напротив, усиливает его значение».

В конце этого года он отсылает Краевскому «начертанный <...> идеал Петербурга»,[67] где настойчиво звучит та же тема. Писатель вновь возвращается к аргументам, призванным доказать, что в городской рубрике «Голоса» преследуются не обличительные, а исключительно воспитательные цели: «Я, нижеподписавшийся читатель, очень доволен вашими „Петербургскими отметками“, как, вероятно, довольна и бóльшая часть читателей, за исключением, может быть, тех, на кого в „Отметках“ падают упреки в нерадении к общественной пользе. Этот отдел в газете постоянно, изо дня в день следящий за движением и большею частью за неправильностями и ошибками внешней, публичной, почти, так сказать, уличной жизни, со всеми ее мелкими отправлениями, оказывает обществу немаловажную в своем роде услугу. <...> редкий читатель во вседневной жизни не встретит такого явления в „Петербургских отметках“, которое лично его обрадует, или опечалит, или, наконец, наведет на полезную, практическую мысль об удобстве, улучшении его житья-бытья, об устранении беспорядка и т. п. Словом, „Отметки“— отдел в некотором смысле поучительный».[68]

«Идеальный» Петербург, в который затем, как во «Сне Обломова», переносит читателя Гончаров, — это благоустроенный город, подобный лучшим из европейских столиц («...мы и не узнаем нашего Петербурга и будем гордиться им, как французы Парижем, англичане Лондоном»). Но для достижения этой мастерски написанной, лирической и одновременно ироничной мечты требуются «общее стремление к лучшему порядку» и консолидация с представителями власти, а прежде всего надо собрать конкретную информацию о насущных, с точки зрения горожан, проблемах. Именно такую возможность (по организации «прилива <...> статеек») может и должна предоставить редакция «Голоса»: «Не знаю, как делается у вас в газете, но мне кажется, что в отделе городских отметок не должно быть одного особого сотрудника, составителя заметок: все в свою очередь обязаны быть авторами, вкладчиками этого отдела; всякий, конечно, найдет, чему поучить и чему поучиться в деле общественного порядка; редакция газеты обязана только заниматься сортировкою сообщаемых известий. И года два таких общих наблюдений над событиями, год-два заявлений общественных нужд, указаний на улучшения разъяснят и обработают немало вопросов городской жизни и могут, конечно, служить важным пособием для тех, „кому о том ведать надлежит“».[69] Смысловые и стилистические параллели процитированных произведений настолько очевидны, что второе из них выглядит как расширенная версия первого.

Подведем итоги. В силу отсутствия документальных свидетельств мы не можем с полной уверенностью утверждать принадлежность публикуемой ниже заметки из «Голоса» перу Гончарова, хотя в пользу этой гипотезы свидетельствуют общие с Краевским связи в литературной и бюрократической среде, принятые в профессиональном окружении романиста политические ориентиры, близость мировоззрения писателя к идеологической платформе газеты, основанной на уважении нравственной свободы человека и соблюдении личных границ, наконец, содержание, композиционные особенности и стиль самой статьи, напечатанной в составе рубрики, где были опубликованы еще четыре достоверно атрибутированные Гончарову заметки.

---

[66] В первую очередь это относится к центральному тезису «удобства»/«неудобства», который организует композицию большинства газетных заметок Гончарова, начиная с первого фельетона в газете «Голос» (см. выше).

[67] См. выше письмо Гончарова к Краевскому от 30 декабря 1864 года.

[68] Голос. 1865. 1 (13) янв. № 1. С. 3.

[69] Там же.

Цель нашей работы — представить вопрос о вероятном авторстве писателя для дальнейшего обсуждения. Ниже приводится текст корреспонденции с предположительным авторством Гончарова, впервые опубликованный в рубрике «Петербургские отметки» газеты «Голос» (1864. 22 фев. (5 марта). № 53. С. 2). Текст печатается по первому изданию, с учетом правил современной орфографии и пунктуации; опечатки исправляются без оговорок.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Петербургские отметки

По поводу печатаемых в нашей газете «Петербургских отметок» мы слышали несколько разноречивых суждений, которые показали, что многие придают этим отметкам не такое значение, какое придает им сама редакция. С одной стороны, приписывают им какое-то обличительное направление и придают им через это такой исключительный, обветшалый уже оттенок, какого они вовсе не имеют. С другой стороны, их считают мелочами, недостойными занимать место в газете, посвященной главнейшим интересам современной эпохи. Мы решительно отклоняем от «Петербургских отметок» как то, так и другое качество. Появление «Петербургских отметок» в нашей газете объясняется, с нашей точки зрения, очень просто: они составляют не более, как дополнение, порою, конечно, весьма незначительное, ко всему, что входит вообще в пределы журналистики. Даже и в иностранных весьма серьезных газетах уделяется постоянно уголок для мимолетных заметок из обыденной жизни. У нас же общественная жизнь, при небольшом приливе важных задач и умственных потребностей, вертится преимущественно около мелочей разного рода; из этих-то мелочей и слагаются, главным образом, все наши житейские удобства и неудобства. Ежедневная газета не должна, да и не может быть отражением одной только высшей человеческой деятельности; в такой ограниченный, хотя и весьма почтенный круг обзора не ставят себя даже и ежемесячные иностранные и русские журналы, которые в заметках и очерках, помещаемых под разными названиями, знакомят своих читателей с весьма скромными явлениями не только общественной, но и домашней жизни. Тем необходимее ежедневной русской газете уловлять такие случаи, которые или очерчивают современные понятия той или другой нашей среды, или дают возможность заявлением каких-либо нужд и неудобств облегчить наш обыденный быт и сгладить шероховатости наших привычек. Заметки обо всем этом не имеют вовсе обличительного свойства; они ничего более, как только отражение того, что делается вокруг нас. Понятно, что в этом отношении Петербург, как город с самым многолюдным и самым пестрым населением сравнительно со всеми другими русскими городами, представляет обильный запас для подобных заметок.

Не спорим, иногда такого рода заметки могут показаться слишком мелкими; но разве наша вина, что некрупны и те предметы, которые их вызывают? — а между тем и эти предметы имеют свою относительную важность. Если мы порою и говорим о таких, по-видимому, пустяках, как, например, фонари, чистка улиц, или о таких ничтожных, в смысле общественной деятельности, лицах, каковы извозчики, лавочники, дворники и т. д., то это мы делаем потому, что о подобных предметах и личностях говорят не в одних каких-нибудь высших, но вообще во всех слоях общества, а сотни, тысячи и даже десятки тысяч видят в этих предметах и в этих личностях или насущную свою потребность, или условия для бóльших удобств своего быта. Вдобавок к этому, мы, по возможности, знакомим в «Петербургских отметках» наших читателей с такими новостями, которые могут составить предмет любопытства или могут быть применены с некоторою пользою к потребностям нашей обыденной жизни. Вообще характер наших «Петербургских отметок» — чисто практический, а не нравственно-обличительный. Мы твердо убеждены, что прилив таких статеек, какие бы мы желали видеть в отделе «Петербургских отметок», не только не вредит значению газеты как органа общественного мнения, но даже, напротив, усиливает его значение, вследствие соприкосновения с слишком близкими к нам и слишком осязательными для нас предметами.

40. *Shaumann G.* «Pis'ma stolichnogo druga k provintsial'nomu zhenikhu» I. A. Goncharova // Materialy mezhdunar. konf., posviashchennoi 185-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova. Ul'ianovsk, 1998.
41. *Shefstberi*. Esteticheskie opyty. M., 1975.
42. *Shelling F. V. I*. Soch.: V 2 t. M., 1987. T. 1.
43. *Sokolov V. V*. Mirovozzrenie Benedikta Spinozy // Spinoza B. Izbr. proizvedeniia: V 2 t. M., 1957. T. 1.
44. *Stal' Zh. de*. O vliianii strastei na schast'e liudei i narodov / Per. E. P. Grechanoi // Literaturnye manifesty zapadnoevropeiskikh romantikov / Sobranie tekstov, vstup. stat'ia i obshch. red. A. S. Dmitrieva. M., 1980.
45. *Tatishchev V. N*. Izbr. Proizvedeniia / Pod obshch. red. S. N. Valka. L., 1979.
46. *Tikhomirov V. N*. K voprosu o vzaimodeistvii prosvetitel'stva i romantizma v realizme I. A. Goncharova // Problemy romanticheskogo metoda i stilia. Kaliningrad, 1980.
47. *Tikhomirov V. N*. Traditsii prosvetitel'skogo realizma v romane «Obryv» // I. A. Goncharov (Novye materialy o zhizni i tvorchestve pisatelia). Ul'ianovsk, 1976.
48. *Tirgen P*. Khalat Oblomova // Ars Philologiae: Professoru Askol'du Borisovichu Muratovu ko dniu shestidesiatiletiia. SPb., 1997.
49. *Tirgen P*. Oblomov kak chelovek-oblomok (k postanovke problemy «Goncharov i Shiller») // Russkaia literatura. 1990. № 3.
50. *Tirgen P*. Obrazy Arkadii v russkoi literature XVIII–XIX vv. // Tirgen P. Amor legendi, ili Chudo russkoi literatury: Sb. nauchnykh trudov po istorii russkoi literatury. M., 2021.
51. *Ushinskii K. D*. Sobr. soch. M.; L., 1948. T. 2.
52. *Zlatopol'skaia A. A*. Russkie perevody Zh.-Zh. Russo i tsenzura // Chteniia otdela russkoi literatury XVIII veka. M.; SPb., 2013. Vyp. 7.

Надежда Викторовна Калинина

старший научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Nadezhda Viktorovna Kalinina

Senior Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-9084-5191

hope.kalinina@gmail.com

АНОНИМНЫЙ И. А. ГОНЧАРОВ (ФЕЛЬЕТОНЫ В ГАЗЕТЕ «ГОЛОС»)

I. A. GONCHAROV, ANONYMOUS (*GOLOS* NEWSPAPER FEUILLETONS)

В статье исследуется идеологическая кампания 1863–1864 годов, развернутая в изданиях М. Н. Каткова. Особое внимание уделено полемике «Московских ведомостей» и «Голоса» как форме закамуфлированной политической борьбы двух партий власти. В приложении к статье публикуется один из текстов И. А. Гончарова в «Голосе», атрибутированный методами тематического и лексико-фразеологического анализа газетного контента.
Ключевые слова: И. А. Гончаров, А. А. Краевский, М. Н. Катков, публицистика, «общественное мнение», полемика, «Московские ведомости», «Голос».

The article explores the 1863–1864 ideological campaign in M. N. Katkov's periodicals. It focuses on the polemics between *Moskovskiye Vedomosty* and *Golos* as an instance of covet political struggle between the two ruling parties. The Appendix features one of Goncharov's *Golos* texts, attributed through thematic, lexical and phraseological analysis of the newspaper content.
Key words: I. A. Goncharov, A. A. Kraevsky, M. N. Katkov, actualities, «public opinion», polemics, *Moskovskiye Vedomosty, Golos*.

Список литературы

1. *Айрапетов О. Р.* Царство Польское в политике Империи в 1863–1864 гг. // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2013. Т. XV. Польское восстание 1863 года.

2. *Бадалян Д. А.* Официальные и официозные издания в борьбе элит в России XIX века // Типология журналистики в России: опыт формирования и трансформации. СПб., 2025.

3. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. 10, 12.

4. *Веселовский К. С.* Отголоски старой памяти. Воспоминания и записки непременного секретаря Императорской Академии наук. СПб., 2018 (сер. «Ad fontes. Материалы и исследования по истории науки»; вып. 10).

5. *Воронин В. Е.* К вопросам о развитии политической доктрины либеральной бюрократии и о борьбе внутри правительственного лагеря в 1863–1864 гг. (по материалам деятельности вел. кн. Константина Николаевича) // Власть и общество России в прошлом и настоящем. Сб. статей по материалам научных чтений, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Д. С. Бабурина. М., 2000.

6. *Воронин В. Е.* Польское восстание 1863 года: опыт «примирительной политики» русского правительства. М., 2008.

7. *Гайнцева Э. Г.* И. А. Гончаров в «Северной почте» (История одной газетной публикации) // Материалы Междунар. конф., посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 1998.

8. *Гайнцева Э. Г.* И. А. Гончаров и «Петербургские отметки» (К атрибуции фельетонов в «Голосе») // Русская литература. 1995. № 2.

9. *Гончаров И. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2014. Т. 8. Кн. 1; Т. 10.

10. *Грибановская А. М.* Ежедневная газета в России: организация издания, финансовое положение, правовой статус (1860-е — начало 1880-х гг.). Дис. ... канд. истор. наук. М., 2016.

11. *Громова Л. П.* А. А. Краевский — редактор и издатель: Учеб. пособие. СПб., 2001.

12. *Громова Л. П.* Краевский и Гончаров: к истории литературных отношений // Вопросы истории и теории журналистики. Екатеринбург, 2019.

13. *Гуськов С. Н.* Зачем «Северная почта» в 1863 году призывала русских дворян вернуться на Родину? (Еще раз о деятельности И. А. Гончарова на посту главного редактора правительственной газеты) // Русская литература. 2023. № 4.

14. *Гуськов С. Н.* И. А. Гончаров — газетчик. Неизвестный текст автора «Обломова»? // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Сер. Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3.

15. *Гуськов С. Н.* И. А. Гончаров, П. А. Валуев и кампания всеподданнейших писем 1863 года // Русская литература. 2019. № 4.

16. *Гуськов С. Н.* Неизвестный петербургский фельетон И. А. Гончарова // Русская литература. 2024. № 4.

17. *Гуськов С. Н.* О неизвестных статьях И. А. Гончарова в газете «Северная почта» // Русская литература. 2022. № 4.

18. *Гуськов С. Н.* Экономика патриотизма (И. А. Гончаров в «Северной почте») // Складчина. Сб. статей к 50-летию профессора М. С. Макеева. М., 2019.

19. *Есин Б. И.* Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения. М., 1981.

20. *Зайцева А. А.* Газета «Голос» во внутренней политике самодержавия периода буржуазных реформ. 1863–1870. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1985.

21. *Зайцева А. А.* Деятельность А. А. Краевского по созданию газеты «Голос» // Проблемы истории СССР. М., 1983. Вып. 13.

22. *Зубков К. Ю.* И. А. Гончаров-фельетонист на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» // Материалы VI Междунар. науч. конф., посвященной 205-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск, 2017.

23. *Иванова С.* Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60-х годов XIX века // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego / Ежегодник Русско-польского института. 2012. № 1 (2).

24. *Ковалев И. Ф.* И. Гончаров — редактор газеты «Северная почта» // Русская литература. 1958. № 2.

25. *Козлов А. Е.* Н. Д. Ахшарумов в роли редактора газеты «Народная летопись»: к вопросу о символическом капитале имени // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2019. Т. 18. № 6.

26. *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005.

27. *Луночкин А. В.* От сотрудничества к конфронтации: газета «Голос» и цензура (1863–1883) // Цензура в России: история и современность. СПб., 2001. Вып. 1.

28. Очерки по истории русской журналистики и критики: В 2 т. Л., 1965. Т. 2. Вторая половина XIX века.

29. *Перевалова Е. В.* «Московские ведомости» М. Н. Каткова в 1863–1864 гг. — политический официоз или орган независимого общественного мнения? // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2015. № 4 (36).

30. *Перевалова Е. В.* М. Н. Катков. Несколько штрихов к портрету публициста // Вестник Московского государственного университета печати им. Ив. Федорова. 2011. № 3.

31. *Рейфман П. С.* И. А. Гончаров и газета «Голос» // Тр. по русской и славянской филологии. Тарту, 1971. Вып. 18 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 266).

32. *Рейфман П. С.* «Московские ведомости» 1860-х годов и правительственные круги России // Тр. по русской и славянской филологии Тарту, 1975. Вып. 24 (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; вып. 358).

33. *Стаферова Е. Л.* А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М., 2007.

34. *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия (М. Н. Катков и его издания). М., 1978.

35. *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Воспоминания. М., 1991 (сер. «Голоса истории»).

36. *Шевырев А. П.* Во главе «константиновцев»: великий князь Константин Николаевич и А. В. Головнин // Александр II. Трагедия реформатора: Люди в судьбах реформ, реформы в судьбах людей. СПб., 2012.

37. *Шевырев А. П.* Между Варшавой и Петербургом: великий князь Константин Николаевич, А. В. Головнин и Польское восстание 1863 г. // Польское Январское восстание 1863 г.: исторические судьбы России и Польши. М., 2014.

References

1. *Airapetov O. R.* Tsarstvo Pol'skoe v politike Imperii v 1863–1864 gg. // Russkii sbornik: Issledovaniia po istorii Rossii. M., 2013. T. XV. Pol'skoe vosstanie 1863 goda.

2. *Badalian D. A.* Ofitsial'nye i ofitsioznye izdaniia v bor'be elit v Rossii XIX veka // Tipologiia zhurnalistiki v Rossii: opyt formirovaniia i transformatsii. SPb., 2025.

3. *Belinskii V. G.* Poln. sobr. soch.: V 13 t. M., 1956. T. 10, 12.

4. *Esin B. I.* Russkaia gazeta i gazetnoe delo v Rossii. Zadachi i teoretiko-metodologicheskie printsipy izucheniia. M., 1981.

5. *Feoktistov E. M.* Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896. Vospominaniia. M., 1991 (ser. «Golosa istorii»).

6. *Gaintseva E. G.* I. A. Goncharov i «Peterburgskie otmetki» (K atributsii fel'etonov v «Golose») // Russkaia literatura. 1995. № 2.

7. *Gaintseva E. G.* I. A. Goncharov v «Severnoi pochte» (Istoriia odnoi gazetnoi publikatsii) // Materialy Mezhdunar. konf., posviashchennoi 185-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova. Ul'ianovsk, 1998.

8. *Goncharov I. A.* Poln. sobr. soch. i pisem: V 20 t. SPb., 2014. T. 8. Kn. 1; T. 10.

9. *Gribanovskaia A. M.* Ezhednevnaia gazeta v Rossii: organizatsiia izdaniia, finansovoe polozhenie, pravovoi status (1860-e — nachalo 1880-kh gg.). Dis. ... kand. istor. nauk. M., 2016.

10. *Gromova L. P.* A. A. Kraevskii — redaktor i izdatel': Ucheb. posobie. SPb., 2001.

11. *Gromova L. P.* Kraevskii i Goncharov: k istorii literaturnykh otnoshenii // Voprosy istorii i teorii zhurnalistiki. Ekaterinburg, 2019.

12. *Gus'kov S. N.* Ekonomika patriotizma (I. A. Goncharov v «Severnoi pochte») // Skladchina. Sb. statei k 50-letiiu professora M. S. Makeeva. M., 2019.

13. *Gus'kov S. N.* I. A. Goncharov — gazetchik. Neizvestnyi tekst avtora «Oblomova»? // Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovanii. Ser. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2017. № 3.

14. *Gus'kov S. N.* I. A. Goncharov, P. A. Valuev i kampaniia vsepoddanneishikh pisem 1863 goda // Russkaia literatura. 2019. № 4.

15. *Gus'kov S. N.* Neizvestnyi peterburgskii fel'eton I. A. Goncharova // Russkaia literatura. 2024. № 4.

16. *Gus'kov S. N.* O neizvestnykh stat'iakh I. A. Goncharova v gazete «Severnaia pochta» // Russkaia literatura. 2022. № 4.

17. *Gus'kov S. N.* Zachem «Severnaia pochta» v 1863 godu prizyvala russkikh dvorian vernut'sia na Rodinu? (Eshche raz o deiatel'nosti I. A. Goncharova na postu glavnogo redaktora pravitel'stvennoi gazety) // Russkaia literatura. 2023. № 4.

18. *Ivanova S.* Obsuzhdenie «pol'skogo voprosa» na stranitsakh periodicheskikh izdanii 60-kh godov XIX veka // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego / Ezhegodnik Russko-pol'skogo instituta. 2012. № 1 (2).

19. *Komzolova A. A.* Politika samoderzhaviia v Severo-Zapadnom krae v epokhu Velikikh reform. M., 2005.

20. *Kovalev I. F.* I. Goncharov — redaktor gazety «Severnaia pochta» // Russkaia literatura. 1958. № 2.

21. *Kozlov A. E.* N. D. Akhsharumov v roli redaktora gazety «Narodnaia letopis'»: k voprosu o simvolicheskom kapitale imeni // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriia. Filologiia. 2019. T. 18. № 6.

22. *Lunochkin A. V.* Ot sotrudnichestva k konfrontatsii: gazeta «Golos» i tsenzura (1863–1883) // Tsenzura v Rossii: istoriia i sovremennost'. SPb., 2001. Vyp. 1.

23. Ocherki po istorii russkoi zhurnalistiki i kritiki: V 2 t. L., 1965. T. 2. Vtoraia polovina XIX veka.

24. *Perevalova E. V.* «Moskovskie vedomosti» M. N. Katkova v 1863–1864 gg. — politicheskii ofitsioz ili organ nezavisimogo obshchestvennogo mneniia? // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiia. 2015. № 4 (36).

25. *Perevalova E. V.* M. N. Katkov. Neskol'ko shtrikhov k portretu publitsista // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati im. Iv. Fedorova. 2011. № 3.

26. *Reifman P. S.* I. A. Goncharov i gazeta «Golos» // Tr. po russkoi i slavianskoi filologii. Tartu, 1971. Vyp. 18 (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 266).

27. *Reifman P. S.* «Moskovskie vedomosti» 1860-kh godov i pravitel'stvennye krugi Rossii // Tr. po russkoi i slavianskoi filologii Tartu, 1975. Vyp. 24 (Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta; vyp. 358).

28. *Shevyrev A. P.* Mezhdu Varshavoi i Peterburgom: velikii kniaz' Konstantin Nikolaevich, A. V. Golovnin i Pol'skoe vosstanie 1863 g. // Pol'skoe Ianvarskoe vosstanie 1863 g.: istoricheskie sud'by Rossii i Pol'shi. M., 2014.

29. *Shevyrev A. P.* Vo glave «konstantinovtsev»: velikii kniaz' Konstantin Nikolaevich i A. V. Golovnin // Aleksandr II. Tragediia reformatora: Liudi v sud'bakh reform, reformy v sud'bakh liudei. SPb., 2012.

30. *Staferova E. L.* A. V. Golovnin i liberal'nye reformy v prosveshchenii (pervaia polovina 1860 gg.). M., 2007.

31. *Tvardovskaia V. A.* Ideologiia poreformennogo samoderzhaviia (M. N. Katkov i ego izdaniia). M., 1978.

32. *Veselovskii K. S.* Otgoloski staroi pamiati. Vospominaniia i zapiski nepremennogo sekretaria Imperatorskoi Akademii nauk. SPb., 2018 (ser. «Ad fontes. Materialy i issledovaniia po istorii nauki»; vyp. 10).

33. *Voronin V. E.* K voprosam o razvitii politicheskoi doktriny liberal'noi biurokratii i o bor'be vnutri pravitel'stvennogo lageria v 1863–1864 gg. (po materialam deiatel'nosti vel. kn. Konstantina Nikolaevicha) // Vlast' i obshchestvo Rossii v proshlom i nastoiashchem. Sb. statei po materialam nauchnykh chtenii, posviashchennykh 90-letiiu so dnia rozhdeniia professora D. S. Baburina. M., 2000.

34. *Voronin V. E.* Pol'skoe vosstanie 1863 goda: opyt «primiritel'noi politiki» russkogo pravitel'stva. M., 2008.

35. *Zaitseva A. A.* Deiatel'nost' A. A. Kraevskogo po sozdaniiu gazety «Golos» // Problemy istorii SSSR. M., 1983. Vyp. 13.

36. *Zaitseva A. A.* Gazeta «Golos» vo vnutrennei politike samoderzhaviia perioda burzhuaznykh reform. 1863–1870. Dis. ... kand. istor. nauk. M., 1985.

37. *Zubkov K. Iu.* I. A. Goncharov-fel'etonist na stranitsakh «Sankt-Peterburgskikh vedomostei» // Materialy VI Mezhdunar. nauch. konf., posviashchennoi 205-letiiu so dnia rozhdeniia I. A. Goncharova. Ul'ianovsk, 2017.

Сергей Владимирович Савинков

профессор Воронежского государственного университета;
профессор Воронежского государственного педагогического университета

Sergei Vladimirovich Savinkov

Professor, Voronezh State University;
Professor, Voronezh State Pedagogical University

ORCID: 0000-0002-9625-7980

svspoint@yandex.ru